

К вопросу о классификации временных форм глагола в «Российской грамматике» М.В. Ломоносова и ее переводе на немецкий язык

«Российская грамматика» (РГ) М.В. Ломоносова (1757), была не первым сочинением, описывающим нормы складывающегося русского литературного языка первой половины XVIII века. Однако эта работа стала во многих отношениях революционной: Ломоносов показал, что формирующийся русский язык не уступает в грамматической сложности ни старославянскому, ни греческому, ни европейским языкам. Настоящая статья посвящена описанию категории времени в РГ. Мы ставим перед собой задачу показать специфику предложенной Ломоносовым классификации видовременных форм глагола. Это позволит оценить новаторство лингвистической мысли Ломоносова, а также даст возможность проследить историю изучения концепции грамматической категории глагола.

Глагол определяется Ломоносовым как одна из основных «частей слова», а категория времени относится к наиболее значимым глагольным категориям. Основных времен Ломоносов выделяет три – *настоящее*, *прошедшее* и *будущее*. В русском будущее и прошедшее разделяются также на «степени», передающие нюансы аспектуальных значений.

Ломоносов последовательно сопоставляет данные русского языка с европейскими языками, греческим и еврейским. РГ создавалась в эпоху распространения идей универсальной грамматики, опирающейся на положение общности лежащих в основе всех языков логических механизмов. Нет прямых свидетельств того, что Ломоносов читал грамматику Пор-Рояля (1660). Однако рассуждение Ломоносова о недостатке времен в еврейском языке и о богатстве их в русском и греческом звучит как ответная реплика на презрительное упоминание о скудости времен в «восточных языках» во «Всеобщей и рациональной грамматике».¹ Стремясь показать, что в богатстве средств выражения русский язык не уступает ни древним, ни современным языкам, Ломоносов разработал собственную аспектуальную концепцию, не имеющую аналогов в грамматиках предшествующего периода. Долгое время считалось, что Ломоносов игнорировал аспект и усложнил систему времен русского глагола. Однако упреки эти несправедливы: без сомнения, систематический аспектуальный элемент присутствует в предложенном Ломоносовым описании свойств и категорий глагола.

Ломоносов разделяет глаголы на *простые* (даю, ставлю) и *сложные* (благодарствую, отдаю, оживотворяю). По мысли Ломоносова, глагол, в зависимости от того, является ли он простым или сложным, обладает различной способностью образовывать временные формы («степени»). Последние выделяются Ломоносовым на следующих основаниях: 1) совершается ли действие однажды или является продолжением ранее начатого действия; 2) известно или нет время окончания совершения действия; 3) завершено ли действие или нет. При этом там, где современная лингвистика предполагает существование двух глаголов, один из которых

¹ Ср. «Недостаток чувствителен в еврейском языке, который настоящего времени не имеет, и причастие служит ему вместо оного. Прочие два времени не разделяются на разные степени, как во многих европейских языках. Избыток оных в некоторых языках весьма знатен, ибо греческие глаголы до девяти времен простираются <...> Латинский язык пятью временами доволен; российский — десять имеет, как ниже сего окажется» (7, 414) и «sur quoi il faut remarquer que les Langues Orientales n'ont que le Passé et le Futur, sans toutes les autres différences d'imparfait, de plus-que-parfait etc. ce qui rend ces Langues sujettes à beaucoup d'ambigüités qui ne se rencontrent point dans les autres» (Arnauld, Lancelot. P. 153).

образован от другого с помощью перфективного суффикса (*трясти* – *тряхнуть*), Ломоносов видит временные формы одного глагола (*трясти*).

от простых		
(1) <i>настоящее</i>	трясу, глотаю, бросаю, плещу	
(2) <i>прошедшее неопределенное</i> ²	трясь, глоталь, бросаль, плескаль	«заключает в себе некоторое деяние продолжение или учащение»
(3) <i>прошедшее однократное</i>	тряхнул, глотнул, бросил, плеснул	«значит деяние, совершенное однажды»
(4) <i>давнопрошедшее первое</i>	тряхиваль, глатываль, брасываль, плескиваль	«заклучают в себе учащение или продолжение, как прошедшие неопределенные, и имеют знаменование одно старее другого»
(5) <i>давнопрошедшее второе</i>	бывало трясь, бывало глоталь, бросаль, плескаль	
(6) <i>давнопрошедшее третье</i>	бывало трясываль, глатывал, брасываль, плескиваль	
(7) <i>будущее неопределенное</i>	буду трясти, стану глотать, бросать, плескать	«значит будущее деяние, которого совершение неизвестно»
(8) <i>будущее однократное</i>	тряхну, глотну, брошу, плесну	«значит деяние, которое только однажды свершится»
от сложных		
(9) <i>прошедшее совершенное</i>	написаь	«значат полное совершение деяния»
(10) <i>будущее совершенное</i>	напишу	

Трехчленное аспектуальное противопоставление, разработанное Ломоносовым, явилось существенным шагом вперед по отношению к языкознанию предшествующего периода. Сам Ломоносов следующим образом характеризовал свой труд и работы своих предшественников: «Сію грамматику не выдаю за полную, но только опытъ, ибо еще никакой нѣтъ, кромѣ славенской и малинькой в лексиконе, весьма несовершенной и во многих мѣстах не<<справедливой>>исправной» (7, 691). Речь в данном случае идет о «Грамматике словенския правильное синтагма» (1619) Милетия Смотрицкого и об «Anfangs-Gründe der Russischen Sprache» (1731) В.Е. Адодурова. Ни о каких других грамматиках предшествующего периода Ломоносов не упоминает. Однако Г. Кайперт и В.М. Живов в работах, посвященных русско-немецким культурным связям XVIII века, доказали, что Ломоносову были хорошо известна петербургская немецкая грамматическая традиция. Это позволяет сопоставить систему времен в РГ не только с системой времен у М. Смотрицкого и В.Е. Адодурова, но и с системами времен в грамматиках И.Э. Глюка и И.В. Паузе.

М. Смотрицкий выделяет в славянском языке шесть времен: (1) *настоящее* (бію); (2) *преходящее* (бихъ), (3) *прешедшее* (бихъса), (4) *мимошедшее* (біах), (5) *непредѣльное* (побихъса), (6) *будущее* (побію) на основании того 1) насколько давно произошло действие; 2) насколько интенсивно совершалось действие и 3) является ли действие завершенным или незавершенным. Категория совершенного/ несовершенного вида имплицитно присутствует, однако такая характеристика глагольного действия, например, как итеративность/ семейфактивность, рассматривается в рамках категории вида (начинательный/ оучащательный). Без сомнения, Ломоносов ориентировался на грамматику М. Смотрицкого, однако темпоральная система последнего была им основательно переработана.

И.Э. Глюк написал «Grammatik der russischen Sprache» (1704), опираясь на практику разговорной речи и теорию латинских грамматик. И.Э. Глюк выделил четыре

² При этом Ломоносов уточняет, что прошедшее неопределенное (2) значит иногда «дело совершенное» (РГ: 7, 480) (напр. «Гомерь писалъ о гнѣвѣ Ахиллесовѣ»), т.е. в ряде контекстов совпадает по значению с прошедшим совершенным (9).

наклонения – *modus indicativus, imperativus, conjunctivus* (комбинации с *da* и *by*), *infinitivus*, пять глагольных времен – *praesens, imperfectum, perfectum, plusquamperfectum, futurum* (формы *perfectum* и *plusquamperfectum* всегда тождественны *imperfectum*). Кроме этого, он выделил страдательные форм всех наклонений и времен, инфинитив всех трех времен, герундий, супин и действительные и страдательные причастия настоящего, прошедшего и будущего времен. Очевидно, что подход И.Э. Глюка был чужд Ломоносову — он отрицательно отзывался о грамматистах, использующих чуждые русскому языку грамматические категории: «Погрешают многие, делая грамматики, понуждают на другие языки» (7, 691).

В «Anweisung zur Erlernung der Slavonisch-Russischen Sprache» (1705–1729), И.В. Паузе дает славянскую и русскую парадигмы времен с параллельной русской и латинской терминологией. Классификация И.В. Паузе позволяет проследить эволюцию категории времени, однако классификация Ломоносова полнее отражает разнообразие аспектных и темпоральных значений русских глагольных форм.

В.Е. Адодуров в «Anfangs-Gründe der Russischen Sprache» (1731) выделяет три времени, *das Praesens, das Praeteritum* и *das Futurum*, подчеркивая, что русскому языку незнакомы сложные прошедшие времена. Однако В.Е. Адодуров говорит о существовании самостоятельных классов глаголов, *Verba Inchoatiua* и *Verba Frequentatiua*. Влияние сочинения В.Е. Адодурова на Ломоносова нельзя недооценивать. Тем не менее, Ломоносов полагал, что не ориентация на разговорную речь, но опора на книжную церковнославянскую традицию определяет специфику русского литературного языка.

Сопоставление ломоносовской системы времен с системами Смотрицкого, Глюка, Паузе и Адодурова показывает, что в отличие от своих предшественников, Ломоносов не пытался ни упростить систему времен русского языка, ни перенести в русскую грамматику категории и термины других языков. Творчески переосмысляя традицию предшествующего периода и опираясь на факты письменного и устного языка, Ломоносов создал новаторскую для своего времени систему, повлиявшую на последующую лингвистическую традицию.³

Как известно, в основе системы индоевропейского глагола первоначально лежали различия не временные. Что касается немецкого языка, то видовые различия, представленные в системе древнегерманского глагола, постепенно заменяются временными отношениями. В современной немецкой лингвистике широко распространено мнение, что в отличие от категории глагольного времени, представляющей собой дейктическую категорию, вид (*Aspekt*) и видовые отношения (*Aspektarten*) следует трактовать как ингерентные глагольные категории (*innerverbale Kategorien*). Категория вида – это бинарная категория и наиболее распространенными определениями для разграничения двух её разновидностей выступают такие пары понятий, как перфектный вид (*perfektiv*) и имперфектный вид (*imperfektiv*). В отличие от бинарной категории вида *perfektiv/imperfektiv* видовые отношения представляют собой открытый класс значений, которые выражают особенности протекания глагольного действия (*terminativ, durativ, statisch, dynamisch, punktuell, telisch, ingressiv, egressiv* и т.д.).

Для выяснения возможных причин приведенной выше столь разветвленной системы временных форм обратимся к немецкому переводу «Российской грамматики». Выбор немецких соответствий русскому варианту может подсказать те смысловые нюансы, которыми руководствовался Ломоносов при построении своей системы. Прежде всего, это касается отдельных разрядов категории прошедшего времени,

³ Ягич И.В. «История славянской филологии». СПб., 1910. С. 84 – 88.

именуемых в «Российской грамматике»: «прошедшее неопределенное», «прошедшее однократное», «давнопрошедшее первое», «давнопрошедшее второе», «давнопрошедшее третье». В немецком варианте этим разрядам соответствуют наименования, снабженные, к тому же, латинским соответствием: «die unvollkommen vergangene (praeteritum imperfectum)», «die einmalig vergangene (praeteritum singulare unitatis), (praeteritum singulare unitatis)», «die erste vorlängstvergangene (plusquamperfectum primum)», «die zweyte vorlängstvergangene (plusquamperfectum secundum)», «die dritte vorlängstvergangene (plusquamperfectum tertium)». Приведенные выше немецкие названия разрядов, как видно, представляют собой буквальный перевод русских наименований и заслуживают отдельного рассмотрения в аспекте обсуждения глагольной категории прошедшего времени в немецкой грамматической традиции.

Наше внимание привлекли, прежде всего, немецкие соответствия русским примерам, которые Ломоносов выбрал для иллюстрации своих положений. Приведем их еще раз вместе с немецкими соответствиями:

- «прошедшее неопределенное»
«die unvollkommen vergangene» трясъ, глоталь, бросаль, плескаль
ich schütterte, ich schluckte, ich warf, ich platschete
- «прошедшее однократное»
die einmalig vergangene тряхнулъ, глотнулъ, бросилъ, плеснулъ
ich habe (einmahl) geschütert, ich habe (einmahl), geschlucket, ich habe (einmahl) geworfen, ich habe (einmahl) geplatschet
- «давнопрошедшее первое»
die erste vorlängstvergangene тряхиваль, глатываль, брасываль, плескиваль
ich habe (mehrmahlen) geschütert, ich habe geschlucket, ich habe geworfen, ich habe geplatschet
- «давнопрошедшее второе»
плескаль
die zweyte vorlängstvergangene бывало трясъ, бывало глоталь, бросаль, плескаль
ich habe (vorzeiten einmahl) geschütert gehabt, geschlucket gehabt, geworfen gehabt, geplatschet gehabt
- «давнопрошедшее третье»
die dritte vorlängstvergangene бывало трясываль, глатывал, брасываль, плескиваль
ich hatte (vorzeiten mehrmahlen) geschütert gehabt, geschlucket gehabt, geworfen gehabt, geplatschet gehabt

Особый интерес в приведенных выше немецких примерах вызывают два последних разряда. Формы глаголов из немецкого перевода «Российской грамматики» в современной германистике иногда трактуются как «двойной перфект» (*ich habe (vorzeiten einmahl) geschütert gehabt, geschlucket gehabt, geworfen gehabt, geplatschet gehabt*) или «двойной плюсквамперфект» (*ich hatte (vorzeiten mehrmahlen) geschütert gehabt, geschlucket gehabt, geworfen gehabt, geplatschet gehabt*). По мнению некоторых авторов,⁴ появление таких «двойных перфектных форм» (doppelte Perfektformen) указывает на продолжающуюся до сих пор перестройку системы немецкого глагола от синтетического к аналитическому способу образования временных форм. Этот процесс затрагивает, прежде всего, разговорную сферу немецкого языка, к тому же преимущественно верхненемецкий ареал.

⁴ Schrodtt R., Donhauser K. «Tempus, Aktionsart/Aspekt und Modus im Deutschen» // Sprachgeschichte. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung / Hrsg. von Werner Besch, Anne Betten, Oskar Reichmann, Stefan Sonderegger. 2. Aufl. 3. Teilband. Berlin; New York, 2003. S. 2516.

Таким образом, создавая свою классификацию, Ломоносов ориентировался на европейскую лингвистическую традицию, на известные ему грамматики немецкого, греческого, латинского, церковнославянского языков, а также на устную традицию русского и немецкого языков. В результате им была создана оригинальная концепция, в которой семантические нюансы аспектного значения оказались связаны с грамматической формой, что явилось существенным шагом вперед по сравнению с классификациями глагольных форм в русских грамматиках предшествующего периода.

ИСТОЧНИКИ

Арно А., Лансло К. «Грамматика общая и рациональная Пор-Рояля» / Пер. Н.Ю. Бокадоровой; ред. Ю.С. Степанов. М., 1990.

Арно А., Лансло К. «Всеобщая рациональная грамматика (Грамматика Пор-Рояля)» / Пер. Ю.С. Маслова, Е.Д. Панфилова, М.В. Гординой. Л., 1991.

«Граматики Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого» / Сост., подг. текста, научный комментарий и указатели Е.А. Кузьминовой; предисл. Е.А. Кузьминовой, М.Л. Ремневой. М., 2000.

Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений: В 10 т. Т. 7: Труды по филологии 1739 — 1758 гг. М.;Л., 1952.

Antoine Arnauld, Claude Lancelot «Grammaire générale et raisonnée». A Paris, chez Prault, fils ainé, Quai de Conti, à la descente du Pont-Neuf, à la Charité, MDCC LIV.

Michael Lomonossow «Russische Grammatik verfasst von Hern Michael Lomonossow. Aus dem Russischen übersetzt von Johann Lorenz Stavenhagen». St. Petersburg, 1764.

Unbegaun B.O. «Drei russische Grammatiken». München, 1969.

ЛИТЕРАТУРА

Булич С.К. «Очерки истории языкознания в России». Т. 1 (XVIII в.–1825 г.). СПб., 1904.

Живов В.М. «Очерки исторической морфологии русского языка XVII – XVIII веков». М., 2004.

Живов В.М., Кайперт Г. «О месте грамматики И.-В. Пауса в развитии русской грамматической традиции: интерпретация отношений русского и церковнославянского» // Вопросы языкознания. Москва, 1996. Вып. 6. С. 3–30.

Живов В.М., Успенский Б.А. «Grammatica sub specie theologiae. Претеритные формы глагола «быти» в русском языковом сознании XVI – XVII веков» // Russian Linguistics. Springer Netherlands, 1986. №10. Pp. 259–279.

Жирмунский В.М. «История немецкого языка». М., 1956.

Макеева В.Н. «История создания «Российской грамматики» М.В. Ломоносова». М.; Л., 1961.

Ронка Р. «У истоков русской и славянской аспектологической мысли». Tampere, 2005.

Ягич И.В. «История славянской филологии». СПб., 1910.

Đurovič L. «Издание фрагмента грамматики Й.Э. Глюка 1704 года» // Russian Linguistics. Springer Netherlands, 1997. №21. Pp. 79–88.

Keipert H. «Der deutsche Beitrag zur Entwicklung der Russisch-Grammatik vor Lomonosov» // Slavistische Linguistik. Referate des XIII Konstanzer Slavistischen Arbeitstreffen Tübingen. München, 1987. P. 184 – 208.

Huterer A. «Die Wortbildungslehre in der Anweisung zur Erlernung der Slavonisch-Russischen Sprache (1705 – 1729) von Johann Werner Paus». München, 2001.

Newman L.W. «The notion of verbal aspect in eighteenth century Russia» // Russian Linguistics. Springer Netherlands, 1976. №3. Pp. 35–53.

Schrodt R., Donhauser K. «Tempus, Aktionsart/Aspekt und Modus im Deutschen» // Sprachgeschichte. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung / Hrsg. von Werner Besch, Anne Betten, Oskar Reichmann, Stefan Sonderegger. 2. Aufl. 3. Teilband. Berlin; New York, 2003.